

Оккупация и освобождение Краснодара в воспоминаниях его жителей

В наши дни активно изучается, так называемая, история повседневности, которая дает не менее интересный материал, чем официальные источники. Авторы некоторых воспоминаний еще живы, это люди очень преклонных лет. Другие передали свои архивы и воспоминания детям и внукам. Все материалы, вплоть до сочинений школьников 1943 года, после оккупации города, дневники, письма сейчас обрабатывают и изучают историки. Многие старожилы г. Краснодара, наши современники, были «детьми войны». Необходимо успеть записать и изучить их «живые рассказы», так называемые, эго-документы. Они сыграют благотворную роль в воспитании достойного своих предков поколения современной молодежи, тех, кто идет в одном строю в шествии Бессмертного полка – правнуков Великой Победы. С начала августа 1942 года начались страшные налеты на город Краснодар. 9 августа немцы вошли в столицу Кубани. По описанию горожан, самые страшные бомбежки были первые 10 дней августа. Константин Никанорович Чаленко вспоминал, что люди поначалу прятались в подвалы и под кровати, но позже привыкли и к бомбежкам. В иные дни воздушная тревога объявлялась много раз, и люди целыми семьями не находили себе места ни в квартире, ни во дворе. На ночь уже с раннего вечера «тащились с постелями и, конечно, с ценностями в подвалы, в погреба, набивались там до отказа». Потом, поуспокоившись, стали оставаться на ночь в квартирах. Но с наступлением темноты забившись под кровати, надеясь, что при разрушении дома кровати спасут их от рухнувшего потолка. Из воспоминаний горожан того времени: «О немцах напоминает четкое отбивание по тротуарам тяжелыми немецкими сапогами маршевого шага – один ли, два ли немца идут, или целая группа их движется, шаг отбивают одновременно все». Сергей Андреевич Гуц, 1927 года рождения, описывал первые дни оккупации. Накануне немцы разгромили табачную фабрику, и краснодарцы растащили в свои дома мешки с табаком. Именно этот табак, из которого пацаны крутили самокрутки и продавали их на рынке, спас всю семью в годы войны от голода. Девятого августа (первый день оккупации) в Краснодаре стояла страшная жара, и люди спрятались у себя в квартирах, закрыв ставни. А мальчики 11–13 лет (среди которых Сергей Гуц), выглядывая из-за деревьев, смотрели, как немецкие мотоциклы медленно едут по улице Красной, и лица их наливаются злобой [1]. По свидетельству Софьи Разинской: «Ехали важно, в красивых мундирах и начищенных до блеска сапогах». Фашисты ожидали, что казачий город встретит их хлебом-солью. Но этого не произошло. Город как будто вымер. И это очень не понравилось немцам. На месте пересечения с улицей Буденного засел молодой парень (по виду старшеклассник), который где-то достал пулемет. Он встречал немцев огнем. Долго те не могли проехать, пока у него не закончились патроны. Когда

этого героя-краснодарца убили, немецкие офицеры показывали его своим солдатам и говорили, что именно так бесстрашно надо сражаться. Краснодарец Михаил Есаян, которому в то время было 11 лет, рассказывал, что сам видел, как немцы его захоронили у ограды 1-й городской больницы. Имени парня никто не знал. Уже после войны, в начале 70-х годов, когда шли работы по строительству Интуриста, было найдено захоронение. Стали искать старожилов, которые помнят события начала войны. Останки молодого героя-краснодарца перезахоронили там, где сейчас могила Неизвестного солдата возле Вечного огня, перед Всесвятским кладбищем. «Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен!». После 9 августа бои вышли за пределы города. День ото дня удалялись от Краснодара в сторону Новороссийска и Горячего Ключа. Город постепенно «оживал». Возобновлялись базары. Софья Александровна Разинская, 1924 года рождения, вспоминала, что в год начала войны она закончила 10 класс 36-й краснодарской школы. Училась с Юрой Доризо, братом поэта Николая Доризо. Выпускной провести не успели. После, в августе, сделали прощальный вечер для мальчиков, которые уходили на фронт. Юра Доризо погиб. Софья после школы подала документы в мединститут. Но его (оборудование, документы и преподавателей) эвакуировали на Север. Ей пришлось восстанавливать аттестат, так как он был утерян. Благодаря записи в каком-то сохранившемся журнале ее восстановили. Она стала студенткой мединститута. Сгоревший во время оккупации институт восстанавливали всем миром. Ужасалась сгоревшим в библиотеке старинным книгам. Занятия проходили в основном во дворе на улице, в глубине вуза. Сидела она на своем, принесенном из дома табурете. Летом 1942 года, когда фашисты подошли уже близко к городу Краснодару, Софья Разинская собиралась ехать пионервожатой на море в лагерь, но пришла обратно с чемоданчиком и вместо моря осталась в городе. Сразу пришла копать окопы вместе с другими краснодарцами. В начале оккупации, когда немцы думали, что пришли в казачий край надолго, а может навсегда, некоторые из них еще старались держаться «благородно», заигрывали с местными жителями. Немцы были несколько другими, чем в конце войны. С. А. Разинская вспоминает, что в поисках еды в начале оккупации они с подругой Лилей пошли в ближайшее село, где купили по ведру пшеницы. По дороге домой их подвез в город в пустом фургоне немец. А ее маму Нину Федоровну Разинскую практически спас от расстрела немец, во время облавы вытолкнув ее из толпы окруженных горожан. Видимо, она произвела на него впечатление своей красотой. Немцев ставили на квартиры к местным жителям. Ирина Анатольевна Бузникина рассказывает о своей бабушке Евдокии Гавриловне Жигир, 1903 года рождения. У нее было пятеро детей, в том числе и отец Ирины. На квартиру к ним в первые дни оккупации Краснодара поселили немца. Он не

знал ни слова по-русски, а они по-немецки. Общались жестами. Однажды немец принес несколько яблок, и бабушка (в то время молодая женщина) попросила у него яблочко для детей. На следующий день возле дома остановилась машина и этот квартирант выгрузил мешок яблок для детей хозяйки. Потом они узнали, что немцы собирали яблоки в районе Тимашевки и увозили в Германию. Иногда он садился играть с котятками. Брал одного котенка в одну руку и называл его Гитлер, другого, взятого в другую руку, звал Сталин, изображал между ними драку и качал укоризненно головой, мол, война – это плохо. В книге «Это и моя война» находим и совершенно другие воспоминания о жестоких «квартирантах» немцах. Фашисты устроили в Краснодаре так называемый «новый режим». В первые же дни оккупации они заставили сдать все население радиоприемники, чтобы никто не слышал сводок из Москвы. Тогда пионер Володя Головатый сделал самодельное радио и ночью слушал новости, делал листовки, а утром с риском для жизни развешивал их в городе. Его поймали и после страшных пыток казнили. Почти в каждом квартале города для устрашения жителей висели женщины и мужчины с табличками «Я помогал партизанам», «Я – коммунист» и др. По воспоминаниям жителей города, часто были повешены люди на столбах на углу Красной и Горького. Там и сейчас есть чуть заметный остаток столба недалеко от трамвайной остановки. Женя Морозова рассказывала, что когда они проходили мимо повешенных, отец закрывал ей глаза, отворачивал в сторону ее голову, дабы девочка не видела этого ужаса. Люди висели по несколько дней. Отца Сони Разинской, Александра Петровича, взяли в гестапо и мучили в подвалах вместе с другими краснодарцами. Сдал его, аптекаря по профессии, помогавшего подпольщикам медикаментами и перевязочным материалом, один из предателей, «шестерка» бургомистра по фамилии Буй. Он жил в одной из квартир в центре города, недалеко от пересечения ул. Горького с ул. Красной. Когда-то, еще до установления советской власти, он был хозяином всего этого дома. Злой человек. По воспоминаниям соседей более позднего периода, будучи стариком, был необычайно злым и бил палкой своего сына, который сошел с ума. Вот такие озлобленные люди, «ненавидящие все и вся», и служили немцам. Фашисты приходили в дома горожан по их наводке и забирали все хорошие вещи под предлогом, что они нужны арестованному. Даже патефон взяли в квартире Разинских. А к тому времени, как после выяснила жена, Александр Петрович был уже задушен в душегубке. По мере продвижения наших войск и освобождения Юга России немцы менялись, ожесточались и становились все более злыми, а иногда и жалкими в своей бессильной злобе. Участились облавы днем, людей забирали прямо с улиц и сажали в душегубки. Затем трупы сбрасывали в противотанковые рвы в районе Первомайской рощи. Немцы грабили местных жителей. Но особенно воровством,

грабежами и жестокостью прославились румыны. Софья Разинская вспоминает, что в дверь долго стучали, это пришли румыны и дали маме подзатыльник за то, что долго не открывала дверь. А она в это время прятала ее, свою дочь, в тряпках под кроватью. Румыны забрали все хорошие вещи, даже кусок мыла, который бабушка сама варила во время войны. Вообще, молодой девушке Софье (в будущем замечательному краснодарскому хирургу), чтобы избежать отправки в Германию на работы, приходилось прятаться по родственникам и однажды длительное время сидеть в холодной яме. После этого у нее долго не заживали раны на ногах. Старому человеку Константину Чаленко румын или немец разбил окно ночью в двадцатиградусный мороз. И он еле выжил, закрыл окно одеялом, спал одетым в пальто. Константин Никанорович Чаленко в 70-летнем возрасте волею судьбы оказался в Краснодаре в ожидании своей семьи. Он приехал из Грузии, где вся семья находилась в эвакуации, охранять квартиру в надежде, что вот-вот немцев погонят с Кубани и из России. А получилось, что застрял в этот тяжелейший период времени в городе больше чем на год. За три месяца до оккупации столицы Кубани Константин Никанорович ездил из Краснодара в станицу Павловскую к зятю Исмаилу. Там он ходил в библиотеку, читал в газетах о зверствах фашистов. Всюду чувствовалось растущее напряжение. Например, когда люди сидели в бане в ожидании своей очереди, вдруг все разговоры прекратились и наступила напряженная гнетущая тишина. Оказывается, вдалеке был слышен свист летящих бомб и их разрывы. Чаленко в силу возраста это понял не сразу, т.к. был глуховат. Но страх на лицах людей запомнил. Тогда, еще в начале мая 1942 года, в Павловской работал агрономом его зять, муж дочери Марии. Уже летом его демобилизовали, и он на фронте потерял руку. Мария Чаленко рассказывала, как отец испытывал так называемые фантомные боли. Рука, которую ампутировали выше локтя, болела и чесалась. Это было невыносимо. По описанию Константина Никаноровича, который всю жизнь работал учителем, весной 1942 года школьникам раньше провели испытания (так называли тогда экзамены) и отправили на каникулы. Многие семьи спешно уезжали с Кубани. Интересны для наших современников описания цен и ассортимента съестных товаров на рынке, которые он делал в письмах семье в Тбилиси. «Сделал невеселый обзор Нового базара. Купил все, что можно было купить: три кучки мелкой репы на 3 рубля, два бурака – кормовой и столовый тоже за 3 рубля, 1,5 блюдечка на компот сушеных яблок и мелких груш за 7,50». Еще из писем Чаленко: «Наконец-то сегодня выстоял 300 грамм сахарного песка. Это за апрель–май–июнь. Пошел в 6 часов утра, вернулся в 1 час дня. Сладчайший сахарок. Дешевых огурцов (по 1 рублю 40 копеек) и сегодня мне не хватило». «Нашел, наконец, 1 небольшой кусок свиного сала. Я оказался самым проворным покупателем, несмотря на

свои 70 лет. И сало оказалось в моей сумке, зато улетучилась из кошелька одна красненькая... На картофель бабы цены не сложат: кучка мелкого картофеля в 5–6 штук 5 рублей». В конце оккупации Краснодара фашисты ожесточились. Комендантский час перенесли на 12 часов дня (раньше был в 16.00). Стали ежедневно устраивать облавы на людей на рынках, просто на улицах. Софья Разинская вспоминает, что ее дедушку (аптекаря по профессии) уговаривали возглавить еврейское население города два немца. Один офицер и другой переводчик, явно из поволжских немцев. Но дед отказался, сказал, что поляк и языка не знает. Тогда эти двое пошли на улицу Горького (сейчас это дом номер 99). Там жил музыкант, еврей, по фамилии Волик. Дальше сведения краснодарцев расходятся. Некоторые считали, что этот Волик дал согласие, чтобы немцы от него отстали. Он искренне верил, что немцы – это культурная нация. Даже пытался кому-то из соседей говорить об этом. Продлилось это недолго, пока не стали уничтожать в душегубках еврейское население города. Другие краснодарцы были уверены, что немцы просто воспользовались именем этого уважаемого человека и даже подделали его подпись. Но все старожилы сходились на том, что это был честный человек и он не был виновен в гибели еврейского населения Краснодара. После уничтожения массы еврейского населения этот скрипач Волик бросился в колодец во дворе своего дома по улице Горького, 99. Евгения Владимировна Морозова вспоминала, как она, будучи четырнадцатилетней девочкой, видела, что по улице гнали евреев. И среди них она узнала директора своей школы. Что та даже окликнула ее по имени: «Женя!». Эта страшная картина, как людей гонят на смерть, всю жизнь стояла у нее перед глазами. В своей книге «Против течения» Изабелла Худoley описывает, что в станице Павловской «последние немцы были и вовсе жалкие: старик, грязный, заросший, сам перевязывал свою рану грязным бинтом. Боялся идти в госпиталь, часто бомбили наши кукурузники и бомбы падали вблизи госпиталя... Когда вечером прилетали самолеты, старикашка бросался под кровать раньше меня. Тогда думали, что это самое безопасное место – если крыша рухнет, кровать выдержит. Старик знал несколько слов по-русски: Моздок, мостик, машинка, капут. Он их бормотал, сидя у окна на голубом сундучке, на моем месте. А один раз даже плакал». Молодой худой бледный Ганс был пионером, так у них назывались поджигатели, их оставляли, чтобы они поджигали большие здания. Немцы вечером привезут бензин к зданию, чтобы утром поджечь, а ночью бабы бензин разворуют для примусов и керосинок. Так и спасли несколько зданий. Мама Изабеллы определила по румянцу и кашлю Ганса, что он был туберкулезником. В конце сорок второго немцы забирали и таких. Первые немцы были чистюли, что солдаты, что офицеры. Мылись, брились, чистили одежду, обувь. Последние же были грязными, даже вшивыми. В конце оккупации многие фашисты просто озверели.

Например, были заживо сожжены 300 человек в подвалах гестапо в Краснодаре. Перед отходом оккупанты подожгли много зданий города. В том числе горело и здание сельхозинститута, нынешнего университета физической культуры, спорта и туризма. В период оккупации немцы в нем сделали госпиталь. Из школьного сочинения Золотаревой: «Ночью немцы зажгли институт. Который стоит рядом с нами... он разгорелся так, что зарево пожара было видно на большое расстояние. Малейший ветер угрожал нам смертью. Искры осыпали крыши домов, головешки падали к нам во двор. И каждую секунду наши квартиры могли загореться. Собрав все вещи, мы стояли и смотрели на этот пожар. Красное зарево пожара застлало небо. Много мы пережили в эту ночь. Мало того, немецкие звери хотели поджечь нашу квартиру. Они положили под стенку шины от машин, белье, сапоги. И облив бензином, зажгли. И когда немцы ушли со двора, мы затушили огонь, который, к нашему счастью, не успел разгореться». В письме от 26 февраля 1943 года Константин Чаленко, переживший страшные 6 месяцев оккупации, писал родным в эвакуацию, в Тбилиси, что немцы «из города сделали кладбище мертвых взорванных черных домов». В другом письме: «немцы, как саранча, все съели, или отправили к себе, или сожгли». Семидесятилетний старик признавался родным: «Я физически и душевно ослабел, переутомился... однако необходимость подхлестывает и я живу... Только присутствия проклятых немцев я не мог бы больше выдержать... Изгнание же их сняло с меня кошмарную невыносимую тоску». Справедливости ради необходимо отметить, что в Краснодаре были и коллаборационисты, предатели. По воспоминаниям Константина Чаленко, эти несколько семей сделали «торную дорогу к себе для немцев и румын». Немецкие машины и мотоциклы во дворе и около не давали проходу жильцам двора. Эти немецкие прихвостни бежали вместе с оккупантами. А несколько человек были казнены после суда над фашистами в Краснодаре в 1943 году. Тогда и раскрылись страшные зверства оккупантов – замученные в душегубках, похороненные в противотанковых рвах тысячи жителей Краснодара. 12 февраля 1943 года город был полностью освобожден от фашистских захватчиков, что наполнило радостью души жителей Краснодара. Из сочинения ученика 7 класса школы 28 Владимира Цыплакова: «Но вот наступил радостный день, 12 февраля 1943 года. Ночью этого дня бойцы Красной армии ворвались на улицы города Краснодара, и к утру город был освобожден. Среди бойцов, освободивших город, было много краснодарцев. Вместе с бойцами в город вступили партизаны, мстившие немцам за их преступления. На улицах был настоящий праздник. Улицы были полны народа. Повсюду слышны возгласы: «Да здравствует Красная армия! Ура!». Этот день был самым счастливым в жизни краснодарцев. Он надолго остался в памяти жителей, переживших шесть месяцев немецкой неволи.

Пожилой человек Константин Никанорович Чаленко добился права выехать в Тбилиси и воссоединиться с семьей. 10 июня 1943 года он писал жене и дочерям: «Здравствуйте, мои дорогие! Проснулся ночью, радостно волнуясь. Получил пропуск, не спится. Мысли толпятся. Не помещаются в голове. Сон отлетел... День выезда определится ходом ликвидации оставшегося имущества. Комнату привел в порядок и пол мою раза 2–3 в неделю. Возможно, Лизок, это мое последнее письмо отсюда к вам, на него, пожалуй, еще можно получить от вас ответ. Твой Костя, Костюша, Костечка». В таком приподнятом настроении были все жители города после снятия оккупации и побед советских войск на фронтах. 9 октября 1943 немцы были окончательно изгнаны с территории всего края. Начались работы по восстановлению народного хозяйства, разрушенного фашистами.